

Бестселлер года

Николай
СТАРОДЫМОВ

ИСПОВЕДЬ самоубийцы

В одиночку против мафии –
подвиг или самоубийство?

Детектив-экшен

Николай Стародымов
Исповедь самоубийцы

«Горизонт»

2017

Стародымов Н. А.

Исповедь самоубийцы / Н. А. Стародымов — «Горизонт»,
2017 — (Детектив-экшен)

Если тебе предлагают большие деньги, крепко подумай, соглашаться ли на работу! Ибо никто не знает, чем придётся рассчитываться за щедрый кредит. Особенно если деньги только обещают в будущем, а работу предстоит выполнить немедленно. А уж если деньги сулит мафия!..

© Стародымов Н. А., 2017

© Горизонт, 2017

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Николай Стародымов

Исповедь самоубийцы

...Проклинаю все, и в первую очередь Леткину взбалмошность, я таки отправился к ней домой. Хорошо еще, что я приехал домой раньше жены, прослушал записанную на автоответчик просьбу срочно приехать и стер ее. Объясняясь потом с благоверной!..

Там все прошло незатейливо, без каких-либо непонятностей. Впрочем, тут я не совсем прав. Что значит «без непонятностей»? Они, эти «непонятности», начались с того, что дверь и в самом деле оказалась незапертой. Я ее просто толкнул – и она точно так же просто открылась. Это, конечно, по нынешним временам нечто невероятное. Но это Леточка, ее нужно знать. Дверь незаперта, защелка замка застопорена так, чтобы не могла выполнить свою главную функцию. И дома никого нет.

Вернее, я так думал, что никого нет, потому что никто меня не встретил. Ну а заглядывать во все комнаты не стал. Напрасно, наверное. А может, и хорошо, что не заглядывал... Как бы то ни было, все произошло именно так, как описываю.

Я вошел в квартиру.

– Летка! – крикнул в гулкое трехкомнатное пространство. – Ты дома или как?

Мне ответила тишина.

Ну, на нет и суда нет, рассудил я философски.

Прошел в большую комнату. Там на столе увидел синюю папку. Это был единственный предмет на столе, так что ошибиться было бы просто невозможно при всем желании. Папка была, как я уже говорил, синяя и, о чем я еще не упоминал, полупрозрачная. Потому я без труда разглядел в ней пухлую стопку листочков с отпечатанным текстом. Как я понял в тот момент, это была рукопись очередной Леточкиной книги.

После ошеломляющего триумфа с предыдущей книгой появление из-под ее пера нового произведения не могло удивлять. Странно было другое – способ, которым она желала передать свой шедевр человечеству.

Ну да не мое это дело. Мавр, по Шекспиру, должен сделать дело, а потом скромно удалиться.

Я сунул папку в свой кейс и вышел из квартиры. Опустил вниз «собачку» на замке. Защелка хищно высунула свой треугольный язычок. А когда я захлопнул дверь, она с удовольствием клацнула в металлическом пазу.

...Дома жена меня встретила с явственно сквозящим во взгляде подозрением.

– Ты чего так поздно?

– Надо было заскочить кое-куда, – ответил я честно, но уклончиво.

– А почему записи автоответчика стерты?

Черт побери, и угораздило же меня согласиться на уговоры жены поставить этот «самоответчик»!

– Не знаю. Может, я их стер случайно.

– Случайно?... – Сарказму в голосе жены мог бы позавидовать сам великий насмешник Марк Твен.

– Ты же знаешь, что я до сих пор не научился обращаться с ним, – я до последнего пытался соблюсти свое реноме.

– Не умеешь или делаешь вид, что не умеешь? – в жене явно разгоралась ревность. – Случайно стереть пленку с записями невозможно.

Пора было переходить в атаку.

– А ты что, ждала от кого-то звонок?

Супруга, естественно, ступсывалась.

– Да нет...

– Ну так чего же ты так переживаешь?

– Да так...

– Ну а если просто так, то нечего бурю в стакане воды устраивать.

Обиженный, я проследовал в свой кабинет.

Все же женщины существа ограниченные. Если я признал, что стер разговоры случайно, значит, я уже был дома. И при своей лени просто так куда-то рвануть не мог. Следовательно...

– Кстати, а куда ты ездил, раз уж домой приходил?

Это ж надо – мысленно, а накаркал.

– Когда? – я лихорадочно пытался придумать вразумительный ответ.

– Ну сейчас, вечером.

Если разобраться, правда – лучший ответ.

– Рукопись надо было забрать.

Я шелкнул замками кейса и извлек оттуда пухлую синюю Леткину папку. Столь весомый аргумент на жену подействовал умиротворяюще.

– Ужинать будешь?

– Естественно. Ты же знаешь: когда я голоден, я зол и грозен.

– Ну тогда давай к столу, грозный...

...После ужина я подсел к письменному столу и положил перед собой папку.

– Чего это ты вдруг надумал работать на ночь глядя? – удивилась супруга.

– Да вот надо немного посидеть.

Конечно же, благоверная не преминула по этому поводу съязвить:

– Надо ж, какое рвение!.. Ты ведь до того обленился, что по вечерам не садишься работать уже лет десять.

Не объяснять же, что причиной моего усердия послужил Леткин звонок! Потому ответил уклончиво:

– Сегодня решил сделать исключение.

Жена не заподозрила подвоха:

– Надолго засел?

– Как получится.

Я демонстративно громко расшелкнул папку и начал раскладывать листки. Я ведь и в самом деле не представлял, что в них содержится, а потому не знал, сколько придется читать. Вопросов к тому времени сформировалось немало. Главное: зачем Летке понадобилось таким таинственным образом передавать мне рукопись? Единственное разумное предположение, которое напрашивалось, что ей нужно было срочно куда-то уехать, что она хотела узнать чье-то мнение о своей новой книге и что на роль критика она выбрала меня.

Это льстило. В конце концов, Летка уже обрела писательскую известность, а я как был в этом деле подмастерьем, так им и останусь.

Это никакое не самоуничижение – это реальная оценка собственного потенциала творчества.

Я открыл первую страницу рукописи и прочитал:

Виолетта КАЛИНИНА
НАСЛЕДНИК ГЕРОСТРАТА

Часть первая

1

Это был день моего триумфа.

День, когда я стояла на самой вершине счастья, выше которой были только звезды. К которым, к слову, я тщила приобщиться. И как я верила в то утро, что имею на то все основания!

Началось утро с телефонного звонка.

– Виолетта Сергеевна?

– Да, я слушаю вас.

– Это Ирина Михайловна.

У меня было настолько прекрасное настроение, что его невозможно было испортить даже этим звонком.

Ирина Михайловна – это главный редактор издательства, опубликовавшего мою повесть, которая, как теперь выясняется, произвела такой фурор. Соответственно, это то издательство, которое, надо заметить, платит мне гонорар.

Слов нет, я, конечно, весьма благодарна Ирине Михайловне за то, что она приняла мою книгу. И, тем не менее, я предпочитаю встречаться и общаться с ней как можно реже. Потому что если мы оказываемся с ней рядом, все мужчины смотрят только на нее. А я к такому не привыкла. И никогда не могу простить другой женщине того, что она меня напрочь затмевает!

Однако хорошие манеры обязывают.

– Здравствуйте, Ирина Михайловна! – как можно сердечнее ответила я.

– Доброе утро. Вы, наверное, уже знаете о результате рейтинга?

– Да, конечно.

Ирина Михайловна рассмеялась. У нее изумительно приятный голос, даже искаженный телефонной трубкой... Век бы с ней не общаться!

– Ну что ж, примите и мои поздравления. Это нечасто бывает: первая книга – и такой успех!

– Спасибо.

Закончив приятно-официальную часть, Ирина Михайловна заговорила деловым тоном.

– Виолетта Сергеевна, нам с вами нужно бы встретиться.

Что ж, нужно – значит нужно.

– Когда? И по какому поводу?

– Было бы лучше всего, если бы вы подъехали к нам в издательство, скажем, завтра, часика в три. Вас как, это устроит?

Устроит ли? Конечно. Хотя... Это смотря по какому вопросу...

– Ну, не знаю... Так вот сразу... А все-таки, по какому поводу?

– Мы должны оговорить условия дальнейшего сотрудничества. У вас, надеюсь, нет иных планов?

– Предложений пока не было. А там видно будет.

Уходить я никуда не собиралась. Но не смогла удержаться от того, чтобы слегка уколоть соперницу по красоте.

Но она на укол никак не отреагировала, не доставила мне такого удовольствия. Умна-с. И знает себе цену.

– Отлично. Пока вас не засыпали приглашениями конкурирующие издательства, я завтра жду вас с договором и авансом.

– Договорились. Завтра в три часа я буду у вас, – подтвердила я.

– Вот и хорошо. Еще раз поздравляю. Всего доброго!

– До свидания!

Я опустила трубку в гнездо.

Бывают же в жизни счастливые дни! Когда на тебя сыплется все сразу, все полной мерой, когда кажется, что сама птица счастья опустилась тебе на плечо и ласкается, трется перышками о щеку...

Красивый образ пришел в голову. Надо запомнить. Или сразу записать – а то забуду обязательно. Слишком часто я забываю хорошие мысли, которые приходят в голову совсем не тогда, когда надо бы.

И в это мгновение раздался звонок в дверь. Наверное, это и есть птица Сирин, подумала я, которая своим клювиком кнопку вдавила.

Подумав так, я весело побежала в прихожую. Мимоходом взглянула в зеркало. Ну что за прелесть эта Виолетта! – поставила себе высший балл. И оттянула скобку защелки замка входной двери.

2

Знаете – я думаю, женщины меня поймут – мужская красота бывает очень разная. Как, наверное, и женская, тут мне труднее судить. Есть мужчины-красавцы с квадратными челюстями, которые способны только на то, чтобы жевательную резинку рекламировать или дезодорантом свои заросли под мышками перед объективом опрыскивать. Есть и другие – их в тех же рекламах, как образец «тупизма», вместо мебели выставляют возле таких же тупых красоток, не имеющих ничего, кроме ножек или сисек, демонстрирующих колготки или купальники. Есть и изнеженные женоподобные красавчики, которые одинаково охотно идут на иждивение как к мужчинам, так и к женщинам, лишь бы они были в состоянии оценить и оплатить их внешние данные...

Короче говоря, я вообще не больно-то люблю красивых мужчин. На Дону говорят, что мужчина должен быть лишь чуть красивше черта. И это правильно. У мужчины должны быть руки, растущие из нужного места, голова, способная думать, и, естественно, еще кое-что. Ну а внешняя привлекательность – это уже от лукавого. Для внешних эффектов созданы мы, женщины!

...Но для таких мужчин, как тот, которого я увидела перед своим порогом, можно было сделать исключение. За таким, как он, женщина готова идти хоть на край света. А такой мужчина, скорее всего, на идущую за ним женщину не обратит внимания – потому что на край света он пойдет не для того, чтобы очередной дуре что-то доказать, а только с какой-то значительной целью и преодолет при этом любую преграду, возникшую на пути.

Молодой человек легко скользнул по мне глазами. Как то и положено – с ног до головы; мужчин оглядывают в обратном порядке. Мне понравился этот взгляд: он во мне оценил женщину. И покажите мне женщину, которой это было бы неприятно!

– Виолетта Сергеевна?

И голос у него был под стать внешности – сильный, звучный, приятный, властный, мягкий, сдержанный... Во всяком случае, я расслышала в нем всю эту гамму.

– Да, это я.

Он мне понравился. Поэтому ответила сухо и строго. Я тебе не пигалица какая, не из тех, которые за инфантильными эстрадными мальчиками по белу свету колесят...

– Вы позволите мне войти?

Не пускайте в квартиру незнакомых людей! Об этом твердят по радио и по телевидению, советуют многочисленные теоретики из области обеспечения безопасности жизни... Такая рекомендация, если рассматривать вопрос абстрактно, звучит очень логично и убедительно. Не пускай – избежишь неприятностей. Впустил – ну так и пеняй тогда на себя.

Во Франции, говорят, не рассматривают жалобы на изнасилование, если женщина сама села в случайно-попутную машину. Резонно, надо сказать.

...Но вот только пусть посоветуют всеведающие знатоки, как следует поступить в такой вот ситуации? Пришел симпатичный, обаятельный молодой человек, обращается к тебе по имени-отчеству и вежливо просит разрешения войти... А дома я нахожусь одна и в ближайшем будущем никто объявиться не должен. Что, документы у него потребовать для проверки? Позвонить в милицию и попросить удостоверить его личность? Разговаривать на лестнице на зависть и к удовольствию соседок? Предложить прогулку по свежему воздуху?.. Что еще можно придумать?

– Проходите, конечно!

Я посторонилась, придерживая дверь и пропуская его в квартиру. Молодой человек вежливо шоркнул подошвами сияющих туфель по коврику, переступил порог и остановился на мохнатом ковролине. Взглянул на меня вопросительно.

– Проходите так, не разувайтесь...

Нет, столь приятного гостя разувать я не собиралась. Равно как и приглашать его в наше любимое место приема гостей – на кухню.

В комнате я любезно указала ему на кресло. Постаралась, чтобы выглядел он, этот жест, максимально небрежно. Однако гость показал себя истинным джентльменом, словно прибыл ко мне прямо из посольства государства Маврикий или со светского приема у герцога Эдинбургского. Другими словами, он не плюхнулся в кресло, как сделали бы девять из десяти моих знакомых мужчин.

Пришедший повернулся ко мне и вежливо склонил голову:

– Для начала позвольте представиться. Меня зовут Игорь Викторович.

– Очень приятно, – я приняла его правила игры, – Виолетта Сергеевна. Впрочем, вы это уже знаете. Да вы присаживайтесь, Игорь!

– Викторович, – дополнил он меня, мягко, вежливо, но подчеркнуто настойчиво. – Игорь Викторович.

– Как вам будет угодно.

Черт побери, прямо великосветский раут какой-то получается...

– Если вы не возражаете, я на несколько минут вас покину.

– Не стоит беспокоиться... – начал было он.

– Ну хоть от кофе вы не откажетесь?

Мне показалось, что Игорь Викторович на мгновение замедлил с ответом.

– Не откажусь, – сказал он. И продолжил, когда я вернулась в комнату: – Итак, Виолетта Сергеевна, я приехал к вам с деловым предложением.

Любопытно.

– Любопытно, – сказала я.

Игорь Викторович слегка кивнул.

– Это более чем любопытно, Виолетта Сергеевна. Если вы примете наше предложение...

– Ваше?

– Именно наше, Виолетта Сергеевна, – подчеркнул Игорь Викторович. – Потому что предложение исходит не от меня. Я прибыл сюда в качестве человека, который выступает посланцем некой личности, желающей до поры до времени сохранить инкогнито... Так вот, если вы примете наше предложение, вы сможете весьма неплохо заработать. Кроме того, на

какое-то время вам будут гарантированы интересные приключения, масса впечатлений и все такое прочее.

Когда до меня начал доходить смысл предложения, я почувствовала, что начинаю заливаться краской. Ну и попала ты в положеньице, Виолетта свет-батьковна!..

В принципе, я слышала, я знаю, мне доводилось видеть в кино, как вот таким образом, спокойно и буднично, какие-нибудь «шестерки» «снимают» женщин для своих богатых боссов. Но и предположить не могла, что подобное может коснуться и меня тоже! Для такой роли годятся какие-нибудь манекенщицы или «мисски» конкурсов красоты. Но чтобы меня?! Виолетту Калинину?! Как какую-нибудь проб...

– Вон!

Несмотря на вскипевшую в душе бурю, тайфун, цунами, ураган чувств, я сказала это короткое слово очень негромко. Так негромко, что Игорь Викторович лишь споткнулся на полуслове. Я добила своего: он чуть наморщил лоб, стараясь осознать услышанное.

– Что вы сказали?

– Я тебе сказала: пошел вон, ублюдок!

Черт побери! Это ж надо! Я в этого сводника, «шестерку», щенка на побегушках, чуть было не влюбилась! Хорошо бы это выглядело!..

Кстати, что он еще имел в виду под словами: «предложение исходит не только от меня»? Что они, вдвоем, что ли, собираются... Нет, даже думать противно!

Впрочем, я не успела окинуть даже мысленным взором всю панораму предположений, которые взвихрились у меня в душе после этого предложения. Потому что мой гость вдруг улыбнулся. Как-то мягко улыбнулся, доброжелательно, чуть смущенно, словно бы извиняясь.

– Простите, но вы перебили меня, и я не успел сказать самого главного.

Естественно, самое главное в его представлении сейчас – это сообщить, сколько мне заплатят за ЭТО. И он, Игорь Викторович, конечно, убежден, что нет женщины, которая не уступила бы в таком торге, услышав какую-то сумму... Впрочем, а почему бы и в самом деле не послушать, сколько ЭТО будет стоить? Вернее, может стоить.

Я молчала, демонстрируя желание поскорее избавиться от визитера. И тогда он закончил:

– Впрочем, наверное, я и сам должен был сообразить, с чего мне следовало начинать. Так вот, самое главное, основное, коль этот вопрос возник, сообщаю: никакого секса наше предложение не предполагает.

Да, это был удар. Великий комбинатор таких ударов не получал давно. Я даже не знала, чего в душе в этот момент у меня было больше. Разлилось облегчение, что Игорь выступает отнюдь не в качестве сводника. Всколыхнулось любопытство: что же это за предложение, когда сулят деньги и приключения, но не требуют от тебя секса... И с некоторым удивлением для себя почувствовала и легкое разочарование: а я-то подумала, что некий богатый мужчина вдруг оценил мои внешние данные!..

Пауза затягивалась.

– Так в чем же тогда заключается ваше предложение? – смущенно спросила я.

– У вас чайник закипел, – сказал Игорь Викторович.

Уверенно так сказал, будто услышал, как на кухне бурлит вода.

Я поднялась, направилась на кухню. Чайник действительно весь исходил тугими струями пара.

Чашки с кофе, сахар, конфеты и печенье я расставила на подносе. Поколебавшись, вылила в две рюмки остатки коньяка, оставшегося с обмывки гонорара за книгу, поставила их сюда же. И понесла поднос в комнату, стараясь не пролить кофе.

– Так что же ваше предложение? – напомнила я, когда мы вновь расположились в креслах.

– Могу повторить все то же самое, о чем мы с вами уже говорили, лишь несколько переставив порядок перечисленных пунктов нашего предложения. Итак, Виолетта Сергеевна, вам

предлагается работа. Работа вполне интеллектуальная, вполне по профилю вашей основной деятельности. Секс не входит в условия договора. – Произнося эту фразу, он в очередной раз отвел взгляд от моей незастегнутой пуговички, за которую все время цеплялся глазами. Сделав вид, будто я только что уловила, на чем постоянно тормозится его взор, торопливо застегнула ее. – Вы на этом деле – я не секс имею в виду, а то, что вы примете предложение, – можете хорошо заработать. Ну и, как я говорил, впечатления и приключения на период действия договора гарантируются.

– Но все-таки, что я должна делать?

Игорь Викторович аккуратно поставил чашечку с кофе на столик. Промокнул губы белоснежным платочком, который достал из кармана. К коньяку он не прикоснулся.

Лишь потом ответил:

– Я, к сожалению, не уполномочен сообщить вам о нашем предложении более подробно. Это становилось все более любопытным. Интригующим. И тревожащим.

Это пахло авантюрой. Ну а какой женщине не хочется, хоть иногда, с головой кинуться в авантюру? Быть может, и есть такие гусыни, которые предпочитают тихий пруд – я к таковым не принадлежу.

Однако и показывать, что уже согласилась, я пока не собиралась. Продолжала выпрашивать:

– Почему?

– Что «почему»? – не то действительно не понял, не то сделал вид Игорь Викторович.

– Почему вы не можете хотя бы в общих чертах обрисовать, ради чего все же вы меня приглашаете?

– Потому что вы эти подробности сами узнаете непосредственно от человека, от имени которого я к вам прибыл. При условии, естественно, что вы согласитесь. Если же нет – мы сейчас с вами расстанемся и, скорее всего, больше никогда не встретимся.

Да, заинтриговать он умел. Впрочем, сказать, что я была заинтригована, было бы все же недостаточно. Потому что вместе с тем я и боялась того, на что мне ужасно хотелось согласиться. Я отчаянно трусила. Потому что мне предлагали что-то такое, о чем со мной же не желали говорить.

Что меня ждет, если я соглашусь и поеду с ним неведомо куда? И чего я лишусь в случае, если не соглашусь?.. Задача, надо сказать...

– Кроме того, Виолетта Сергеевна, – складывалось такое ощущение, будто он все время подслушивал мои мысли, – обязан вас заранее предупредить, что в случае вашего согласия о сотрудничестве мы сейчас же отправляемся к моему шефу.

Еще чего не хватало!

– Одна?

– Нет, со мной, – усмехнулся гость.

Час от часу не легче!

– Я не согласна, – быстро ответила я.

– Это ваше право.

Игорь Викторович только теперь чуть пригубил рюмку с коньяком. Промокнул платочком рот. Слегка коснулся губами края чашки с кофе. Опять промокнул рот. И легко поднялся с кресла.

И конечно же, я не выдержала.

– Ну сами согласитесь, Игорь Викторович, что ваше предложение выглядит более чем странно.

– Не исключено, – не стал спорить гость, остановившись на пороге и повернувшись ко мне. – Но согласитесь и вы: если я построил нашу беседу именно таким образом, наверное, я имел на то какие-то основания.

Опять я не сдержалась:

– Ну так и оставайтесь со своими основаниями! В конце концов, не я вас уговаривать приехала, а вы меня! Не забывайте об этом!

– Я не забываю, – слегка раздосадованно ответил Игорь Викторович. – Просто я напоминаю, что только выполняю возложенную на меня миссию. Мне поручено передать вам очень выгодное предложение, а отнюдь не уговаривать вас принять его. Если вы на него согласитесь, прямо сейчас отправимся к человеку, который изложит суть предложения более подробно. В том числе оговорит и сумму вашего вознаграждения. Если нет – я тотчас уезжаю. – Он как будто в некотором замешательстве прошелся по комнате. Лишь после паузы, как бы нехотя, через силу, добавил: – Со своей стороны хочу вам заметить, что предложение и в самом деле очень заманчивое, хотя и содержит определенный элемент риска.

Вот оно!

– И чем же я рискую? – мгновенно среагировала я.

Он опять сделал паузу.

– Как бы это вам сказать... – он слегка пощелкал пальцами. – Во всяком случае уверяю вас: не тем, что с моей стороны или кого-то из наших друзей в отношении вас будет совершено физическое насилие.

Я усмехнулась:

– Ваш ответ не дал новой информации по моему вопросу, зато породил по меньшей мере два новых. Значит, от вас лично мне насилие не грозит. Но тогда получается, что мне может грозить, как вы говорите, физическое насилие со стороны еще кого-то, другого, и за это вы не можете ручаться? Я вас правильно поняла? И второе: вы ручаетесь, что в отношении меня не будет совершено насилия именно этого рода... А за какое-нибудь другое – вы уже не ручаетесь?

Гость опять усмехнулся:

– Я вижу, шеф не ошибся, предложив пригласить на работу именно вас...

Разговор, похоже, зашел в тупик. Во всяком случае, так могло показаться. На самом деле я уже решилась.

Не хотелось верить... Даже не так, не то что не хотелось верить, а просто не могло быть, чтобы кто-то затеял такую тягомотину с одной лишь целью: заманить меня в какую-то хитрую западню. В этом попросту не могло быть никакого смысла.

– Но почему вы не хотите... – начала было я.

Однако мысль свою закончить не успела.

– Не могу, – поправил меня гость.

– Ну ладно, не можете. Почему вы мне четко и ясно не скажете, в чем будет заключаться моя работа?

Игорь Викторович заговорил смирно и буднично. Словно читал лекцию.

– Виолетта Сергеевна, вы будете заниматься своей работой. Но подробности вы узнаете только после того, как дадите согласие.

Я еще попыталась немного посопротивляться.

– Ну так это получается, что вы мне предлагаете купить кота в мешке, да к тому же не считаете нужным сообщить, какой он масти и ловит ли мышей.

Он развел руками.

– Кота не кота, в мешке не в мешке... Тут вам как писательнице виднее. Но согласиться или отказаться вы должны и в самом деле при явной недостаточности информации.

Ну что ж...

– Сколько у меня времени на размышление?

В голосе визитера прорезались какие-то стальные нотки.

– Нисколько. Разве что пока я допью кофе. В таких случаях, Виолетта Сергеевна, нужно или решаться сразу, или же не решаться никогда.

Да, это я уже где-то читала.

– Но мне нужно уладить некоторые свои дела... – неуверенно сказала я.

– Вы ничего не станете улаживать – вы их просто бросите, да и все.

– Но я так не могу...

По мере того как я сдавала позиции, металл в его голосе нарастал.

– За то, что вы поступите так, как не можете поступить, – холодно заметил он, – вы получите весьма солидную денежную компенсацию.

– А гарантии?

Он откровенно усмехнулся:

– Ну какие тут могут быть гарантии?.. Виолетта Сергеевна, милая, поймите и поверьте! Я приехал к вам с деловым предложением, которое будет хорошо оплачено. Ручаться на все сто я не стану, но скорее всего вам ничего не угрожает. Условия простейшие: приключения плюс высокий заработок. Не скрываю: некоторый риск имеется, но это уже так, издержки контракта. Через неделю – десять дней мы с вами расстаемся. Скорее всего, насовсем. Все! Если вас это устраивает, если вы рискованный человек, если вы мне верите – поехали. Если вы не решитесь – до свиданья!.. У меня на примете есть еще несколько кандидатов, которым я сделаю предложение, аналогичное тому, от которого сейчас отказываетесь вы... Да, вы у нас в списке стоите первой – но ведь не единственной!.. А вы говорите о гарантиях! Что вам, честное слово дать? В нотариальной конторе это мое слово заверить?..

– Скажите, Игорь Викторович, вы женаты?

Я спросила это как можно вкрадчивее, чтобы он не заподозрил подвоха. Вернее, не понял, к чему я задала ему этот вопрос.

Похоже, он и в самом деле не понял. Произнес удивленно:

– Нет. Я разве похож на женатого человека?

Хороший вопрос. В самом деле, мужчины говорят, что незамужнюю женщину можно узнать сразу. Холостяка определить труднее. И мне это удастся не всегда. Наверное, потому, что все они, женатые и холостые, всегда глядят на меня с одинаковым выражением лица.

Однако Игорь Викторович не был женатым, в этом сомнения не было. Я ему так и сказала.

– Нет, не похожи... Ну ладно, а любимая девушка у вас есть?

Он неопределенно передернул плечами. Это, наверное, должно было означать некое множественное отношение к понятию «любимая девушка».

– Ну ладно, а мать, дочка, сестра?.. – настаивала я.

– Ну, есть. Сестра... И что из этого?

Гость не считал нужным скрывать раздражение.

– Я просто хотела спросить у вас: вы бы своей сестре предложили то, на что уговариваете меня?

Игорь Викторович только теперь понял, куда я клонила. Чуть смутился. Потом прямо взглянул мне в глаза.

– Прежде всего хочу повторно подчеркнуть, Виолетта Сергеевна, что я вас не уговариваю, а только передаю вам предложение моего босса... Погодите, не перебивайте!.. Ну а что касается вашего вопроса, отвечу так: своей жене я бы запретил и думать о подобной аванюре. Но вовсе не потому, что боялся бы за ее жизнь. Просто если вы согласитесь, в течение некоторого времени вы будете находиться исключительно в окружении одних лишь мужчин, причем, должен сказать откровенно, довольно избалованных женским вниманием, да к тому же очень богатых... Короче говоря, я не желал бы подвергать жену такому соблазну. Особенно если учесть, что купить можно любую женщину. К слову, обычно не так дорого... А если бы подобный путь обогащения избрала бы моя сестра, я бы не возражал, хотя бы уже потому, что каждый человек серьезные решения должен принимать только сам.

Он влил в рот последние капли кофе.

– Ну так что вы решили? Мы договорились, что времени на размышление у вас – пока я пью эту чашку.

Не знаю, что сказали бы мои подруги... Да что там подруги! Не знаю, что сказала бы на мое решение любая женщина нашего голубенького шарика. Я решилась.

Игорь Викторович уже переминался у порога.

– Извините, – бросила я ему. – Что мне взять с собой?

– Ничего.

– Как, совсем ничего? – опешила я.

– Именно так: совсем ничего. Вы у нас будете на полном пансионе.

Не нравилась мне вся эта авантюра. Не нравилось, и все. И дура я, дура дурацкая, что соглашалась на нее. И тем не менее, дала согласие. Это было так романтично, так необычно, так здорово... Захватывало дух. Веяло свежим ветром и куда-то влекло.

– Ну тогда поехали! – я постаралась решительностью тона убедить себя в том, что отмела все сомнения.

...Переступая порог своей квартиры, я и предположить не могла, что это и есть первый шаг в бездну, выбраться из которой мне уже будет не дано.

3

Я таких шикарных автомобилей в жизни не видела. Вернее, не так. Видела, конечно, в фильмах про американских мультимиллионеров или наших мафиози. Видела и в жизни, когда они, бесшумно и стремительно, проносились мимо меня по улице.

А так вот, чтобы выйти из подъезда и увидеть, что она, бесконечно длинная, припарковалась возле твоего дома и терпеливо дожидается именно тебя...

Игорь Викторович легко опередил меня, галантно распахнул заднюю дверь и замер, вежливо придерживая ее. Водитель, облаченный в столь же строгий темный костюм при галстукке, оценивающе и жарко обдал меня взглядом. Уже только ради таких взглядов хочется жить.

А потому, да и не только потому, я не удержалась, чтобы хотя бы на мгновение остановиться у дверцы, возле которой терпеливо стоял Игорь Викторович. Глядите, кумушки-соседушки, да и остальным передать не забудьте, в каких авто мы кататься можем, коли захочется!..

Из машины приятно тянуло прохладой. Наверное, в ней работал кондиционер, сообразила я. Это было первое, но отнюдь не единственное, что произвело на меня впечатление во время той поездки. И особенно в первые ее мгновения.

Задний салон машины, отделенный от водителя прозрачной перегородкой, был просторный, четырехместный: два широких, уютных, с подлокотниками, кресла, помещенных, как и положено, по ходу движения машины, и два, поменьше и повыше, напротив них. Между ними, последними, помещался столик с приспособлениями для фиксации бутылок и стаканов. Тут же виднелась небольшая дверца, как потом выяснилось, холодильника с напитками...

Плюхнувшись на сиденье, я едва в нем не утонула – таким оно оказалось мягким и глубоким. Правда, мои колени в результате задрались значительно выше привычного, выше того, что позволяют приличия и, главное, что позволяю себе я сама. Однако тут имелось вполне достаточно места, и я вытянула ноги, скрестив лодыжки.

Игорь Викторович устроился рядом. Аккуратно прикрыл дверцу – она чуть слышно клацнула; это не наш запор, который никогда не рассчитываешь, с какой силой захлопывать. Где-то далеко чуть слышно заработал мотор. Машина тронулась с места так мягко, что даже не верилось, что такое может быть. И мы поехали.

Между тем Игорь Викторович занялся какими-то манипуляциями с кнопками на крошечном пульте, который скрывался под крышечкой на подлокотнике. Впереди поползла снизу

вверх непрозрачная шторка, отделявшая нас от водителя непроницаемой преградой. В салоне вспыхнул не слишком яркий свет. Затем затемнились и боковые стекла.

Стало ясно, что теперь я не буду знать, куда именно меня везут. На душе снова всколыхнулась тревога, по коже пробежал озноб.

– Зачем все это? – спросила я. – Шторки, занавески... Секретность... Зачем?

Он опять ответил не сразу.

– Виолетта Сергеевна, теперь уже вам придется еще немного потерпеть, прежде чем узнаете все, что вам надлежит узнать, – наконец сказал Игорь Викторович. – Ведь вы приняли наши правила игры, а значит, должны им подчиняться... И пусть вас это не пугает.

– Меня это не пугает... – почему-то это слово неприятно кольнуло.

– Ну, ладно, не пугает – настораживает, волнует... Не в словах суть... Выпьете что-нибудь?

Он явно уходил от этого разговора. И я не стала настаивать на его продолжении. В конце концов, я ведь согласилась на эту авантюру, а потому должна следовать по выбранному пути до конца.

Потому я поменяла тему разговора.

– А нам долго ехать?

– Довольно долго. Сами знаете, каково по Москве куда-то добираться.

Не сидеть же просто так. Можно было бы хоть в окно поглазеть, а так...

Ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Ну тогда плесните что-нибудь.

Мой сопровождающий открыл дверцу. Внутренность холодильничка осветилась. Н-да, выбор, конечно... У меня даже с хорошего гонорара в большие праздники, когда ждешь толпу гостей, такого изобилия не бывает. И бутылки сплошь иностранные...

– Водку с «фантой», если можно.

Добилась-таки от этого невозмутимого красавца удивленного взгляда.

– Честно говоря, не слыхал про такой коктейль, – пробормотал он.

– А я люблю. Особенно если в него еще кусочек льда бросить.

– Желание дамы...

Нашлись у него и водка, и «фанта». Только льда не оказалось. Но это уже роскошь. Напитки и без того оказались студеными.

– В какой пропорции?

– Один к одному.

Хорошо, что я заказала этот коктейль. В меру крепкий, не пьянящий, прохладный, приятный... В складывающейся ситуации стакан с подобным напитком был тем самым отвлекающим фактором, который помогал молчать, собираться с мыслями и не делал паузу тягостной.

Да, я уже раскаивалась. Длительные паузы и манера постоянно переспрашивать постепенно несколько приглушили очарование Игоря Викторовича. Ну а нынешнее его молчание показывало, что он и в самом деле лишь выполнил поручение – и не более того... Ну а ты что же, дура несчастная, рассчитывала, что он сразу растает, увидев тебя?.. Что, у него опыта мало, что ли? Да у него, скорее всего, таких, как ты...

В чем же это состоит секрет нашего желания нравиться именно тем людям, которые приятны тебе? Ладно, когда еще ищешь себе партнера, так сказать, для интима – тут более или менее ясно. Но так вот, просто случайно подвернувшемуся приятному хлыщу... Почему же все-таки хочется произвести впечатление даже в случае, если не собираешься доводить дело до постели?

Или, может, такое желание все равно в подкорке, в природе женской сидит?..

Как бы то ни было, неумолимо надвигающаяся неизвестность пугала.

4

– Ну вот мы и на месте, – сообщил мой сопровождающий.

Автомобиль, в котором мы приехали, припарковался на стоянке, аккуратно выложенной большими, тщательно подогнанными друг к другу бетонными плитами, на которых стояло еще несколько машин – не все они были столь же шикарны, как та, в которой прибыли мы, но и рядовых «жигулят» там тоже не оказалось ни одних. От стоянки широкой дугой изогнулась полоска асфальта в направлении недалеких ворот в бетонной ограде. За оградой густой стеной стоял высокий, похоже, настоящий, а не насаженный искусственно, лес или парк. В противоположную от стоянки для машин сторону лучом вытянулась аллея, также выложенная бетонными плитками и обсаженная невысокими корявыми деревьями. Эта пешеходная дорожка упиралась в большой изумительной архитектуры двухэтажный дом.

Судя по всему, мы находились на территории, со всех сторон огражденной бетонным забором. Значит, это дача?.. Кто его знает...

– Прошу вас, – Игорь Викторович вновь лучился галантностью.

Я молча направилась к дому. Он был просто шикарен. Я бы даже не смогла описать эту красоту. Дерево и стекло. Опорой для балконов служит деревянный острый угол, устремленный в небо выше крыши домика... Нет, я не архитектор, описать такую прелесть при всем желании не удастся.

Перед домом раскинулась зеленая лужайка, по которой радиусами отходили цепочки бетонных плиток. Между ними обильно проросла аккуратно подстриженная трава. Сухо – иди прямо по зелени, а если дождь – шагай с одного бетонного островка на другой... Здорово придумано.

Войти в дом можно было с широкой террасы под полукруглым застекленным балконом, поддерживаемым легкими колоннами. Здесь, наверное, приятно сидеть в теплый дождливый осенний день со стаканом горячего глинтвейна в руках. А впрочем, и летним вечером... Главное, чтобы при этом дождик шел – он придавал бы особый шарм.

Игорь Викторович до того все время шел сзади меня. Но едва мы взошли по ступенькам на террасу, он проскользнул мимо и оказался у двери как раз вовремя, чтобы успеть ее распахнуть. Я даже с шага не сбилась, настолько все ловко он проделал.

Лакей!..

Мы оказались в просторном вестибюле. Я с любопытством огляделась.

Первое, что бросилось в глаза, – это настоящий, а не декоративный камин, в котором виднелись аккуратно, шалашиком, сложенные березовые поленья. Лестница на второй этаж. Несколько дверей, одна из них широкая, раздвижная. Направо в глубь дома уходит коридор. Много растений – толстых одеревеневших лиан, оплетших стены, гирлянд всевозможных традесканций и разных выющихся живых плетей, пальм, фикусов и других, названий которых я не знаю.

Ну а мебель – словно декорация для фильма про каких-нибудь английских аристократов: стоящие отдельными группками большие уютные кресла – так и хочется забраться в них с ногами, маленькие столики рядом с ними, огромный бар под старину, в котором, сквозь стекло, виднелось множество стаканов, бокалов, рюмок, лафитников и других сосудов для питья.

– Идемте, Виолетта Сергеевна, я вам покажу вашу комнату, в которой вы будете проживать, – приглашающе указал Игорь Викторович на лестницу.

Это было вполне логично. Но во мне снова заиграло ретивое.

– А когда же я встречу с вашим боссом?

– Он вас пригласит, – невозмутимо ответил мой сопровождающий. – Босс всегда сам определяет, когда и с кем разговаривать.

– Но у него в гостях дама, – фыркнула я. – Встретить даму – элементарный закон вежливости для мужчины. Особенно если он сам же ее пригласил.

– Мой босс исходит из другого, – все так же спокойно и терпеливо возразил Игорь Викторович. – Дама, приехавшая в его дом, вполне вероятно, захочет сначала привести себя в порядок, при необходимости подправить что-то в макияже или в причёске... Ну а сам он человек очень занятой, а потому живет строго по заранее распланированному распорядку дня. Таким образом, некоторая задержка в знакомстве не только закономерна и объективно обусловлена, но даже необходима. Вы не согласны?

Спорить с подобным утверждением было едва ли возможно. А главное, я понимала, что ко всему прочему еще и бесполезно.

5

Предназначенные для меня апартаменты оказались под стать всему дому. В жизни не доводилось бывать в таких условиях, хотя всегда мечтала пожить так хотя бы недельку.

Сейчас вот, похоже, мечта сбывается. Вот только что оно мне сулит, это осуществление мечты?

Одна не слишком большая, но очень удачно спланированная комната. Огромное окно во всю стену, легко закрывающееся плотной портьерой. Шикарная двуспальная кровать с зеркалами, вделанными в спинку у изголовья. Раздвижная стена скрывает платяной шкаф. В углу – туалетный столик с зеркалом. Видеодвойка. Музыкальный центр...

Да, тут можно жить и жить...

Игорь Викторович с подчеркнутой любезностью предоставил мне возможность осмотреть апартаменты, обращая внимание на необходимые детали – как раздвигаются шторы, например, или где находятся выключатели.

Потом чуть поклонился:

– С вашего позволения я вас оставляю. Можете пользоваться здесь всем, чем сочтете нужным. Через полчаса к вам зайдет Василина.

– Василина? – удивилась я имени.

– Василина, – подтвердил Игорь Викторович. – Она вам поможет.

– Что поможет?

Судя по всему, я начала раздражать своего собеседника. Его тон обрел еще более подчеркнутую корректную сдержанную вежливость.

– На тот период, что вы пробудете нашей гостьей, Василина приставлена к вам. В качестве горничной, помощницы... Короче говоря, все вопросы, которые непременно возникнут у вас, в бытовом плане, разумеется, решайте через нее... Кстати, в случае, если вдруг она вам понадобится, сейчас или в будущем, вызвать Василину можно при помощи вот этого пульта.

Игорь Викторович показал мне небольшую пластмассовую коробочку, наподобие «ленивчика» от телевизора, которая лежала на прикроватной тумбочке.

– Увидимся за обедом, – сообщил он на прощание.

И вышел.

Я еще раз обошла свою комнату. Н-да, это то самое, что называется «все на благо человека». Понятно, что весь народ не может так жить – но, право же, очень хотелось бы...

Чего же ради все это мне предоставляется? Чего хочет от меня этот неведомый шеф?

Впрочем, скоро я обо всем узнаю.

Я сбросила с себя сарафан, небрежно швырнула его в кресло. С удовольствием прошлась по теплему деревянному полу. Раздвинула шторы на окне.

За стеклом раскинулась зеленая лужайка, кое-где на ней были разбросаны отдельные кусты. Поодаль, за сплошным забором, высился все тот же лес.

Любопытно, где мы, далеко ли от Москвы? В каком направлении? А может, в черте города? Говорят, подобные, хорошо укрытые от посторонних глаз, «объекты» имеются в лесопарковых массивах города – на Лосином острове, например, в Ботаническом саду, в Измайловском парке... Может, и здесь нечто такое же?

...Что-то я размечталась, пора готовиться к высочайшему приему.

Душевая была тоже из области фантастики. Стеклопанельная дверь, позолоченные ручки, богатейший набор косметических средств... Все фирменно-иностранное...

Сквозь шум душа послышался какой-то негромкий звук. Сквозь искажающее выпуклое стекло душевой кабинки показался чей-то силуэт. Я чуть приоткрыла дверцу. В комнатке находилась Василина.

Я сразу поняла, что это она – что-то в ее облике было такое, что выделяло ее среди других, точно так же, как ее имя не вписывалось в общепринятые стандарты.

– Здравствуйте, Виолетта Сергеевна, – произнесла она глухим голосом. – Меня зовут Василина.

– Добрый день, Василина, – отозвалась я, с наслаждением поворачиваясь под душевыми струями.

– Через полчаса вас ждут к столу, Виолетта Сергеевна, – сообщила женщина.

Что ж, значит, пора выбираться. Полчаса на то, чтобы подготовиться к выходу к столу, даже маловато.

Закрутив воду, я распахнула кабинку. И тотчас мне на плечи легла широкая махровая простыня.

– Я вас оботру, – сказала Василина.

– Ну что вы, – смутилась я. – Это нетрудно, я сама...

– Это входит в мои обязанности, – все так же глухо возразила женщина.

Мне показалось, что она глядит на меня со слабо скрытым сочувствием.

Или мне это только казалось?

6

В холле меня поджидали четверо мужчин. И все в строгих костюмах и при галстуках.

Н-да, если у них это повседневная униформа – скучно же вам тут живется, господа хорошие!

Чуть отдельно от остальных сидел Шеф. То, что это и есть Шеф, было видно по всему: по внешности, по поведению, по тому, как несколько поодаль от него держатся остальные. Крупный человек, седоватый, хотя, скорее всего, еще не старый, коротко стриженный, сильный, уверенный в себе... Мне не нравится такой тип мужчин, они всегда стараются женщину подмять, покорить, сразу поставить на место, ну а я – кошка, которая гуляет сама по себе и сама выбирает. Короче, я таких мужчин не люблю, хотя и признаю, что в них есть какая-то притягательная, а точнее сказать, повелевающая, сила.

При моем появлении все поднялись.

– Здравствуйте, Виолетта Сергеевна! – поднялся со своего места и широко улыбнулся Шеф. – Мы вас все с нетерпением ждали... Как доехали?

Я не знала, как в данной ситуации должна себя вести. Подойти к нему и подать ему руку? Ждать, пока он сам подойдет ко мне и приложится к ручке? Обойти с приветствием всех? Сесть за стол? Потребовать от этой сомнительной компашки объяснений?..

А потому только молча слегка склонила голову, приветствуя всех одновременно и никого персонально.

– Вы уж нас извините, тут все свои, так что мы запросто, без церемоний, – между тем продолжал Шеф.

Он обогнул столик, за которым сидел, подошел ко мне, легко взял под руку.

– Представлять вам наших друзей я не буду. Почему – сейчас объясню. Прошу вас, – указал он на кресло. – Что будете пить? Опять водку с «фантой»?

– Да, если можно.

Я уселась на диван, взяла протянутый мне стакан.

– Так я вас слушаю. Чем могу быть вам полезна?

Шеф откинулся на спинку кресла.

– Виолетта Сергеевна, у меня к вам имеется деловое предложение.

– Это я уже поняла.

Мужчина кивнул: мол, никогда не сомневался в вашей догадливости. И начал говорить.

– В таком случае постараюсь быть кратким... Виолетта Сергеевна, поверьте: у меня есть все, – продолжал он, проигнорировав мою реплику. – Вы понимаете? У меня есть абсолютно все. Все, кроме одного. И этот недостаток предстоит возместить вам.

Я терялась в догадках, о чем сейчас может пойти речь. Рождающиеся версии выглядели одна другой глупее. Однако его последующие слова превзошли самые нелепые мои предположения.

– Итак, суть моего предложения в следующем. Вы должны написать обо мне книгу.

– Книгу?! О вас?..

– Да, книгу обо мне, – спокойно подтвердил Шеф. – Что вас так удивило?

– Ну, не знаю, – промямлила я. – Как-то все это... Написать о себе – такое редко просят.

– Простят, быть может, и в самом деле нечасто, – согласился он. – Зато мечтают о том, чтобы стать героями литературного произведения многие. Слава – штука притягательная.

У меня в голове вихрились мысли.

Судя по всему, передо мной преуспевающий «новый русский». Что такого уж интересного можно будет о нем написать? Комсомольская юность, партийный руководитель районного уровня, в период перестройки вовремя сориентировался, куда ветер дует, не растерялся в период, когда можно было прибрать к рукам партийную казну... Н-да, нудноватая получается картинка.

– Но я ведь писатель начинающий, – попыталась я уклониться под благовидным предлогом. – Даже не знаю, получится ли...

– Не скромничайте, – усмехнулся Шеф. – У вас очень хороший стиль письма.

Такие слова можно слушать сколько угодно.

– Спасибо.

– Не надо благодарить – это ведь правда, а за правду не благодарят... Так вот, у вас хороший стиль письма. Вы умеете писать динамично, интересно, захватывающе... Короче говоря, мы сейчас говорим не о том, будете писать вы или кто-нибудь другой – это вопрос решенный.

Ничего себе заявочка! У него, видите ли, уже все решено! А я, выходит, всего лишь бесплатное приложение к его решению? Впрочем, почему же бесплатное?

– К тому же я не умею писать биографии, – сочла я необходимым еще посопротивляться.

– Биографию писать и не придется, – успокоил он меня. – Пишите все, что сочтете нужным, в привычной для вас остросюжетной манере.

– Но... – попыталась я продолжать сопротивление.

– Погодите, Виолетта Сергеевна, – нетерпеливо прервал он меня. – Так мы будем говорить бесконечно долго. Вы сначала выслушайте само предложение, а потом возражайте. Ну а чтобы у вас не возникло подобного соблазна, давайте сначала определимся с оплатой вашего труда. Надеюсь, вы ничего не имеете против гонорара?

– Вдохновение не продается, но можно рукопись продать, – процитировала я Пушкина.

– Вот и отлично. Итак, сколько сейчас платят за книгу?

Я слегка пожала плечами. Хотелось одного – как-нибудь уклониться от предложения, даже несмотря на самый немыслимый гонорар.

– Ну, всем по-разному... В зависимости от известности автора.

– Это естественно, – понимающе кивнул мужчина. – А вам лично сколько заплатили?

– Чуть больше тысячи.

Шеф изумленно поднял брови.

– Чуть больше тысячи чего? Долларов?

– Ну не рублей же!

– За такой труд?... Так это же курам на смех!

Я пожала плечами.

– Оплату устанавливаю не я. Хотя для меня это тоже хорошие деньги.

– Это понятно. Ну а как вы сами считаете: сколько вы должны бы получать?

– Ну, не знаю... – я сделала вид, будто никогда раньше не задумывалась над этим вопросом. – Хотя бы тысяч пять, наверное.

– Скромные у вас запросы, – ухмыльнулся Шеф. – У меня на кофе ушло бы больше, пока я такой книжкой разродился... В общем, чтобы нам не мелочиться, давайте договоримся так. Я вам плачу десять тысяч. Ну и плюс гонорар от издательства – это уже меня не касается.

Это было щедро, даже слишком. За такие деньги можно было брать за описание полной приключений жизни самого занудливого бухгалтера. Тем не менее я еще раз сочла нужным внести ясность.

– Еще неизвестно, возьмется ли издательство опубликовать мою книгу...

Шеф опять усмехнулся.

– Пусть это вас не беспокоит, возьмется. Итак, предварительные условия вас устраивают?

– Устраивают.

– Вот и хорошо. Теперь переходим к основной теме нашего разговора.

Он отпил из стакана, стоявшего перед ним. Судя по цвету, там был налит апельсиновый сок.

– Итак, Виолетта Сергеевна, вам предстоит написать обо мне книгу. Только не думайте, что вам придется придумывать «Малую землю», «Целину» или «Возрождение», которые писали для Брежнева. У меня биография повеселее. К тому же у меня не будет никаких предварительных условий о том, как именно излагать мое прошлое и настоящее. Единственное непременное условие – вы не имеете права называть ни одного подлинного имени, кроме моего, даже если вы таковое узнаете. А меня вы обязаны называть только настоящей фамилией. Или прозвищем...

– Странное условие, – сказала я.

– Сейчас поймете, почему я его выдвигаю, – шеф не удивился моей реакции. – Вы, наверное, уже поняли, что я очень богат. Естественно, нажито это состояние отнюдь не тем путем, который в нашем обществе принято называть праведным. Я – самый настоящий мафиози, Виолетта Сергеевна.

Он эффектно замолчал, ожидая мою реакцию. Но я ожидала услышать от него нечто подобное, а потому постаралась скрыть свои чувства. Только кивнула.

Тогда он продолжил.

– Более того, я – один из «крестных отцов» российской мафии. Это не моя фантазия – это абсолютно достоверный факт. И для полного удовлетворения жизнью мне нужна такая книга. Чтобы ее написать, в течение недели вы будете постоянно находиться при мне. Вы увидите то, что еще никому из пишущей братии видеть не доводилось – а именно будни мафиози моего уровня. А потом напишете об этом. Более того, скажу вам откровенно: я уже пытался сам начать писать такую книгу, но потом пришлось отказаться от этой затеи.

Это было еще более любопытно.

– И почему же?

Не уверена, но мне показалось, что он ответил чуть-чуть, едва заметно, самую капельку смущенно.

– Причин тому несколько. Прежде всего, у меня совсем нет свободного времени. Потом я еще что-то могу написать про других – я имею в виду, что могу написать более или менее объективно; но как только дело доходит до себя самого, постоянно ловишь себя на том, что стараешься показать себя лучше, чем того заслуживаешь... Потому я и решил пригласить вас. У вас получится. Тем более что все свои черновики, свои рукописи я отдаю вам – они уже лежат в вашей комнате на столе. Можете использовать все по своему усмотрению... Короче говоря, пишите обо мне книгу, пишите, что захотите – но только пишите!

– Но зачем вам это? – недоумевала я.

– Неужто непонятно? Я ведь уже сказал. У меня есть все, что я захочу. Все, кроме славы...

– Это я поняла. Я о другом. Ведь если я напишу о вас правду, у вас могут быть неприятности.

– Какие? – скривил он губы в легкой усмешке. – И из-за чего?

– Ну, я не знаю... – этот простой вопрос поставил меня в тупик. – Вас могут привлечь к ответственности...

– На основании художественного произведения? Это несерьезно. В конце концов, даже если кто-то заинтересуется, в какой степени написанное вами соответствует действительности, я просто скажу, что вы все это придумали.

Стоп! Что-то меня вдруг насторожило: Летка, внимание, тут может быть подвох!

– Но ведь тогда вы сможете подать на меня в суд за клевету! – быстро сказала я.

Шеф усмехнулся. Снисходительно-высокомерно-самодовольно. Он предвидел этот вопрос и был очень доволен своей прозорливостью.

Не поворачивая головы, он небрежно поднял вверх руку, слегка вытянув к потолку указательный палец. Тут же рядом оказался один из мужчин. Типичный секретарь – «шестерка» – не терплю такую породу людей. Рядом с хозяином он – сама предупредительность. А когда хозяина рядом нет – высокомерная скотина.

Секретарь почтительно вложил в руку Шефа коленкорovou папку с резинками-зажимами. Тот взял папку, положил себе на колени. «Шестерка» тут же исчез.

– Наш предварительный разговор, Виолетта Сергеевна, подходит к финишу. В связи с этим считаю нужным напомнить его основные итоги.

– Слушаю.

– В течение недели, в крайнем случае, десяти дней вы будете неотлучно находиться со мной. Кроме, разумеется, времени отдыха. Здесь, в моем загородном доме, вы можете мне задавать любые вопросы, но только наедине, когда рядом не будет никого постороннего. Мои люди, понятно, не в счет, при них вы можете говорить о чем угодно. Кстати, на период пребывания у меня в гостях вы должны забыть о сексе – мои ребята предупреждены, чтобы с подобными вопросами к вам даже не приближались; за нарушение этого условия каждый из них будет сурово наказан, так что не нужно их провоцировать на неприятности, что при ваших внешних данных совсем нетрудно... Потом вы пишете книгу. В ней вы описываете меня в любом виде, в любом свете, в каком вам заблагорассудится – если сочтете нужным, даже в самом неприглядном. При этом, повторяю, главное условие: вы не имеете права называть ни одного подлинного имени, не говоря уже о фамилии. Ни одного – кроме моего. Когда вы сдадите ее в издательство, звоните мне – и вам привозят причитающийся гонорар. После этого наше с вами знакомство заканчивается, никаких взаимных претензий, преследований, шантажа и так далее не принимается... С каким из перечисленных пунктов вы не согласны?

Я была озадачена. Это ж надо как все продумал, как четко отчеканил...

– Знаете, я как-то так сразу, на слух...

– Понятно, – склонил он голову. – Если в течение недели, которую вы пробудете у меня в гостях, у вас возникнут какие-то вопросы, я всегда к вашим услугам. Ну а теперь, Виолетта Сергеевна, мы с вами подпишем один-единственный документ, который скрепит наши отношения. А перед этим остается только представиться. Меня зовут Вячеслав Михайлович Самойлов, я вице-директор коммерческого банка «Плутон», а также учредитель нескольких более мелких фирм... Впрочем, все свои должности я вам называть не буду – в этом нет необходимости.

Н-да, вице-директор «Плутона» – это величина. Я не больно-то разбираюсь в коммерции и экономике, однако, насколько знаю, банк «Плутон» входит в десятку крупнейших банков страны.

То, что банкир такого уровня является по совместительству мафиози, меня не особенно удивило. Но тот факт, что он не боится мне в этом признаться, настораживал.

Самойлов уловил мое колебание.

– Что вас смущает?

Я ответила прямо:

– Ваша откровенность.

– А именно?

По его сатанинской усмешке было видно, что он понимает, о чем я сейчас заговорю. Но ждет, как же я сама сформулирую вопрос.

– Не получится ли так, Вячеслав Михайлович, что когда я выполню ваш заказ, то стану для вас просто лишней?

– Не понял.

Все-то ты понял, господин вице-директор, только повыкобениваться желаешь.

– Да что ж тут непонятного?... – тем не менее пришлось расшифровывать. – Сами же говорите, что из мафии – мигнете своим ребятам, и на свете одной Виолеттой Калининой станет меньше...

– Браво! – хлопнул Самойлов в ладоши. – Вы попали в точку, Виолетта Сергеевна. Чтобы успокоить вас, мы и подпишем сейчас вот этот документ.

Он протянул мне папку. Я ее раскрыла. В ней лежал один-единственный листок. Это был отпечатанный на принтере текст.

В нем значилось:

«Не возражаю против использования Виолеттой Калининой в литературных произведениях моих имени, отчества и фамилии в течение текущего года».

Внизу под текстом стояли дата и подпись.

– Этот листок вас успокоит?

Я не знала, что сказать. Что и говорить, это была самая настоящая филькина грамота. Но с другой стороны, предъяви я ее суду, она станет надежным щитом. Или нет? Черт, и юриста под рукой нет, чтобы проконсультироваться.

– Ладно! – решила я. – Будь что будет! Согласна.

Наброски будущей книги

(отрывки из записей Самойлова)

«НАЧАЛО КАРЬЕРЫ МАФИОЗИ»

Вячеслав-Юрий-засада-Афганистан

Вячеслав провел по пересохшим губам языком.

– Слушай, Юрка, давай потрянем дуكان, – не слишком решительно предложил он.

Было слышно, как Юра пренебрежительно хмыкнул.

– Дурак ты, Слава. И уши у тебя холодные.

– Но так ведь все наши делают!..

Юрий понял, что Вячеслав от него просто так не отстанет. Открыл глаза, окинул взглядом местность. Темнота, подкрепленная тишиной... Ни зги не видно.

Лишь тогда снова повернулся к молодому товарищу.

– Славик, запомни несколько истин, которые тебе со временем обязательно пригодятся. Если ты вздумаешь совершить противоправное действие, обязательно подумай, как потом себя вести...

– Это я уже понял, – нетерпеливо перебил Вячеслав. – Но ты сам погляди: кишлак перед нами, там дуканов – как у собаки блох. Тряханем только один, на окраине – и «афошки» наберем, и «чеки», и товары всякие...

– А утром дуканщик прибежит к нашему старлею, тот устроит шмон – и нам ничего этого не понадобится лет десять. Ну, пять, по меньшей мере.

Вячеслав обиженно замолчал.

...Прочесывать кишлак пошли на следующее утро.

– Держись все время рядом со мной! – процедил сквозь зубы Юрий.

Слава промолчал. У него уже была мысль переметнуться под крылышко к Борису Бариннову, которого в роте звали по инициалам – Бэбэ. Это был ушлый парень, смелый, всегда готовый совершить какую-нибудь выходку. Уж он-то не станет раздумывать над тем, стоит ли что-то взять или лучше подождать, чтобы сложились подходящие обстоятельства, – рассуждал Слава.

Но раз Юра сказал, нужно подчиняться. Дедовщину в армии никто отменить не в силах. На ней здесь все держится. Разница только в том, что под ней понимать.

...В кишлак вошли настороженно – ошестинившись автоматами. Населенный пункт угрюмо молчал, сумрачно глядя на пришельцев с севера. Афганцы знали, что идут советские войска, «шурави», как они нас именовали, – почти все двери были открыты. Лучше оставить так, потому что в противном случае их просто вышибут. Солдаты по двое входили в каждую дверь, проверяли документы, обшаривали дом. По-афгански никто не понимал. Солдат и местный житель говорили что-то друг другу, обмениваясь ненавидящими взглядами. Афганцы совали паспорта, испещренные затейливой арабской вязью. Солдаты тыкали автоматы и спрашивали:

– Ты душман?

– Ниц душман, – твердили дехкане и дуканщики.

На том и расходились.

И оба прекрасно знали, что ночью этот дехканин вполне может взять автомат и пойти стрелять «шурави». Да только толку было от того знания...

– Ты можешь сказать, какого черта мы тут бродим? – не выдержал Слава.

Юрий небрежно обронил:

– Не спеши.

Вячеслав ухмыльнулся:

– Не спеши... твою мать! Ты же сам говорил, что умный от дурака отличается тем, что сам моделирует ситуацию, а не ждет, пока она сама собою сформируется для его блага.

– Говорил. И еще раз то же самое повторю, – не стал спорить Юрий. – Главное – уметь ждать и четко знать, чего ждешь.

Слава демонстративно пожал плечами. Нет, жаль, что он не пошел с Бэбэ. Тот уж наверняка с прочески не вернется пустым.

Подшли к дуканам. Их, глядящих на улицу мутными стеклами пыльных витрин, было тут несколько, и располагались они кучно, в рядок. Между ними была странная связь: с одной стороны, конкуренция, а с другой – взаимопомощь, взаимоподдержка. Рынок... Рынок, конечно. Но только какой-то ненатуральный, как будто игрушечный. Нищета нищете что-то продает и еще друг другу помогает...

Юра решительно направился к ближайшему дукану. Славик потянулся за старшим. Седой дуканщик униженно кланялся, лопотал что-то по-своему.

– Ладно-ладно, не свисти, – с досадой махнул Юра. – Сами посмотрим...

Он зашел за небрежно сколоченную из кривых досок стойку. Достал из-под нее коробку с деньгами, бросил ее на прилавок. Там лежало всего несколько смятых сотенных «афошек», да россыпью валялась мелочь.

– Спрятал, падла! – провел сухим языком по потрескавшимся губам Славик. – Может, прижать его?..

– Почему же «падла»? – лениво возразил Юра. – Он ведь свое кровное спрятал... Наше дело оружие искать, а не чужие деньги забирать.

Вячеслав ничего не понимал. А потому молчал.

– Ты по-русски понимаешь? – Юра ласково улыбался дуканщику.

– Немного понимаю, командор, – подобострастно кивал афганец.

– Раз немного понимаю, немного денег давай! – скалambuрил Юра.

Афганец на глазах поскунел.

– Ай, денга йок. Все на товар отдавал, машин пока не пришел.

– В самом деле? Очень жаль...

Юра, поворачиваясь, прикладом автомата демонстративно задел полку с металлическими банками. Жестянки с лимонадом, соками, другими напитками посыпались, позвякивая и раскатываясь, на пол.

– Совсем нет денег? – Юра улыбался еще ласковее, демонстрируя намерение зацепить прикладом полку теперь уже со стеклянными бутылками.

Дуканщик бесстрастно глядел на происходящее.

– Ну так что, деньги – бар?

После некоторой паузы с полки со звоном посыпались бутылки. По утопанному глиняному полу, шипя и пенясь, полилась жидкость.

– Понимаешь, бобо, – Юрий по-прежнему являл собой образец искреннего сочувствия. – У вас в кишлаке были душманы. А потому...

– Я не душман, – быстро проговорил дуканщик.

– А никто и не говорит, что ты душман, – не стал настаивать Юрий. – Просто у вас были душманы, а потому каждый из вас должен сказать, у кого душманы останавливались, что они делали, кто у них тут родственники.

– Я ничего не знаю.

– Может быть. А потому плати деньги!

Дуканщик еще немного раздумывал. Потом повернулся и пошел в заднюю комнату.

Тут-то Славик и уловил на себе скользкий взгляд Юрия. Тот показал глазами: посмотри за ним.

И Вячеслав понял!

Он подвинулся к двери. Теперь ему было видно, как дуканщик открыл огромный сундук и принялся копать в его объемистом чреве.

Славик отпрянул назад, на то же место, на котором стоял до того, как дуканщик вышел. Поймав взгляд Юрия, кивнул: все видел, мол, все, что надо.

Афганец вернулся, нес в руках узелок. Развязал его темными заскорузлыми пальцами. В грязной материи оказалась тоненькая пачка афганей.

– Бери, шурави, бакшиш тебе, – протянул он Юрию.

– Вот так бы сразу, – довольно улыбнулся тот. – Ну, мы пошли.

Он взял деньги, небрежно сунул их в карман. Повернулся к Славику. А потом, словно что-то вспомнив, повернулся к дуканщику.

– Кстати, бобо!

«Бобо» – значит «дядя», не в смысле степени родства, а просто несколько фамильярное обращение к мужчине старшего возраста.

– Бобо! А можно зайти к тебе в ту комнату?

Уже было расслабившийся дуканщик суетливо попятился к задней двери.

– Конечно, шурави, заходи!

Едва он оказался в проеме, Юрий спокойно, без резких движений, поднял ствол своего автомата и нажал на спусковой крючок. Гулко простучала короткая очередь.

Убитый еще не успел осесть на землю, как Юрий сказал Вячеславу:

– Быстро забирай деньги!

Славик метнулся было к двери, но там лежало, преграждая путь, еще дергающееся в конвульсиях тело афганца. Солдат словно споткнулся, остановился. Растерянно оглянулся на старшего.

– Ну что ты, сдрейфил? – прошипел Юра. – Не бойсь! Покойнички – они тихие. Живых бояться надо!... – и добавил, уже жестче: – Вперед!

Повинуясь, Слава перешагнул через тело, которое все никак не желало расставаться с душой. Бросился к сундуку. С трудом откинул крышку.

Какие-то тряпки... Одежда. Пакетик с какими-то бумагами... Еще какой-то пакет... А вот то, что нужно – мешочек с деньгами. И тут же другой – с какими-то серебряными побрякушками с отшлифованными каплями лазурита.

Славик схватил его, сунул за пазуху и выскочил обратно. Теперь он уже не заметил ни убитого, ни лужи крови вокруг, которая постепенно впитывалась в плотно утоптаный земляной пол.

– Ну?

Старший глядел на подопечного строго, нетерпеливо, выжидательно.

– Порядок, – хлопнул себя по груди Вячеслав, показывая, куда он спрятал деньги.

– Отлично.

Юрий ждал его, стоя возле трупа. И как только Слава оказался у входной двери, крикнул:

– Стоять!

Солдат замер. Удивленно оглянулся. Тут бежать срочно нужно, а тут «стоять!»...

Между тем Юра наклонился к убитому, вложил в его руку пистолет, который достал из кармана.

– Ну а теперь иди искать нашего старлея!

– Зачем?

Юра, сдерживаясь, прикрыл глаза.

– Идиот! – прошипел он. – Нам нужно сделать так, чтобы наши действия выглядели как вынужденная мера самообороны. А для этого в этом должен убедиться ротный. Он пригласит старейшин... Алиби нам нужно, алиби! Быстро!..

Слава выскочил на улицу. Последнее, что он успел увидеть, это то, что старший наклонился и шарит по карманам убитого.

...Юрий глубоко, громко затянулся сигаретным дымом.

– Ну что, салага, ты хоть что-нибудь понял?

Они лежали вечером возле палатки на жесткой колючей траве.

– Но зачем все так сложно? – без напора, лениво, спросил Вячеслав.

Размягченный спиртным, Юра говорил разнеженно:

– Обеспечение отхода, салага, – это самое главное в подобных делах. Ты, я чувствую, по жизни пойдешь кривой дорожкой. Так вот, тебе будет позволено по ней шагать ровно столько времени, сколько ты будешь помнить и ориентироваться на эту истину. В вопросах безопасности лучше перестраховаться, чем потом локти кусать.

Славик ничего не ответил. Он все равно считал, что Юра излишне осторожен. Тот это понял.

– Ну и еще одно запомни, мой юный друг. Среди наших товарищей, надеюсь, с этим ты спорить не станешь, самый бесшабашный – это Бэбэ. Согласен?

Славик слегка замялся.

– Ну да, наверное...

– Не наверное, а точно. Так вот, он в своих действиях, даже если думает, то думает только на шаг вперед. А надо – на пять, в крайнем случае на три. Только тогда у тебя будут получаться ходы, которые принесут тебе реальную пользу. Уловил?

Вячеславу не хотелось ни спорить, ни возражать. Он просто сказал:

– Время покажет, Юра.

– Вот тут ты прав. Только я предпочитаю, чтобы время учило меня только на чужих ошибках. И попомни мои слова: время непременно покажет, кто из нас по большому счету прав – я или Бэбэ.

...Время показало, кто из них прав. Юра, уезжая из Афгана, имел в кармане кругленькую сумму денег. Бориса Барина увозили в цинке. Как-то он польстился на какую-то «левую» сделку... Нашли его только наутро – всего исколотого и истерзанного, с переломанными костями.

7

Я вышла из дома точно в назначенное время. У дверей меня встретил Игорь Викторович.

– Прошу вас, – он, умело придержав дверь, пропустил меня на лужайку. – Я вас проведу к машине.

– Спасибо, я дорогу знаю!

– Я проведу!

Господи, на что я клюнула-то! Холуйские повадки приняла за исключительную галантность, отсутствие живой мысли в глазах – за твердую волю и целеустремленность... Ах, обмануть меня нетрудно... Нет, голубчик, я тебе никогда не прощу своей ошибки!

Между тем он и в самом деле зашагал рядом со мной по направлению к стоянке. Там мы остановились возле какой-то серой иномарки, солидной, хотя и не столь броской и шикарной, как лимузин, на котором меня привезли сюда.

Буквально через несколько минут подошел Вячеслав Михайлович. За ним следовали Секретарь и еще двое мужчин, как я потом поняла, его телохранители.

– Прошу прощения, Виолетта Сергеевна, что заставил себя ждать. Неожиданный звонок задержал... Прошу!

Один из охранников распахнул дверцу машины. Самойлов уселся в автомобиль, жестом пригласил меня устраиваться рядом. Дверь захлопнулась. И машина покатила к воротам.

– Обычно я лично не участвую в акциях, подобной той, которую вы сегодня увидите. Для меня это давно пройденный этап деятельности, – заговорил Самойлов. – Но специально для вас сегодня я сделаю исключение.

Преамбула мне не понравилась.

– Но, надеюсь, в этом не будет ничего криминального? – встревоженно спросила я.

Вячеслав Михайлович усмехнулся.

– Виолетта Сергеевна, милая, информирую вас: с этого момента все, что будет делаться на ваших глазах, в той или иной степени обязательно связано с криминалом. Иначе я бы не стал привлекать к работе специалиста по детективам, и уж подавно не стал бы платить вам такой крупный гонорар.

Так вот что меня беспокоило все это время! Ведь теперь все, что я здесь узнаю, по закону должна сообщить «кому следует». И если я это не сделаю, превращаюсь в преступницу! Ничего не скажешь – ситуация складывается та еще... Значит, если книга выйдет, не только Вячеслав Михайлович может на меня подать в суд за клевету, но меня вполне могут пригласить на Петровку или куда там еще приглашают в подобных случаях, чтобы спросить, откуда мне известны подробности того или иного происшествия.

Правда, я тут же одернула себя: не может же этот мафиози и в самом деле посвящать меня в какие-то слишком уж важные свои секреты – нет такой славы, ради которой можно подставлять себя и всю свою организацию под удар... И все же мне стало еще неуютнее.

Мы вывернули на широкое шоссе и тут набрали скорость. Мотор гудел так тихо, что свист рассекаемого воздуха был слышен куда громче.

– Итак, Виолетта Сергеевна, наверное, у вас появились какие-то вопросы, на которые вы желали бы получить ответы? Прошу вас, до прибытия на место я в вашем распоряжении.

Что и говорить, вопросы были, и их возникло немало. Однако большинство носили абстрактный характер, как и всякий раз, когда сталкиваешься с явлением, принципиально для тебя новым.

– Признаться, мне не совсем понятно, что я вообще буду делать возле вас, – начала я с простейшего.

– Ничего. Смотреть. Спрашивать. Слушать. Запоминать... Короче говоря, просто присутствовать рядом со мной и впитывать любую информацию, которая может вам пригодиться для выполнения моего заказа. А в свободное время писать, писать и еще раз писать. Потому что с работой вы должны, обязаны справиться как можно быстрее.

– Почему?

Самойлов спокойно пожал плечами и ответил предельно откровенно:

– Потому что мне не хочется слишком долго зависеть от вашего присутствия.

– А каким же это образом вы можете от меня зависеть?

Он не переставал меня удивлять.

– Ну как же! – Шеф изобразил недоумение по поводу моей непонятливости. – Мне сейчас приходится строить все свои планы, делая поправку на ваше присутствие... Я, кстати, подумал, что вас дополнительно нужно заинтересовать в том, чтобы вы сделали работу как можно быстрее. Заметьте: не лучше, а быстрее... И вот что у меня получилось. По истечении срока нашего с вами совместного пребывания я сделаю так, чтобы вы до окончания работы были изолированы. Выйти из изоляции вы сможете, только когда сдадите лично мне рукопись.

– Что??? – это было слишком. Это был явный перебор. – Мы так не договаривались.

– Вы правы, – покивал Вячеслав Михайлович. – Изменение условий сделки после того, как договоренности уже достигнуты, всегда...

Вдруг Самойлов оборвал сам себя и повернулся ко мне. С него вдруг слетела вся его подчеркнутая светскость. И он заговорил просто, ясно, даже немного раздраженно. Во всяком случае, с напором.

– Послушайте, Виолетта Сергеевна! Ну что вы кочевряжитесь, право слово? Поймите же: никто никогда ни за одну работу не предложит вам таких условий, как предлагаю я. Всего лишь максимум за месяц работы вы получите деньги, которые при других обстоятельствах заработали бы за пять лет. Разве это не так?

Под его напором я немного стушевалась.

– Ну, пять, может, это слишком...

– Ну три. Так судите же: месяц и три года. Неужто ради этого не стоит повкалывать месяц в полную силу?..

Разумеется, если вопрос ставить так, ответ может быть только один. И все же...

– Однако... – начала я.

Но он не дал мне закончить.

– Погодите, не возражайте! Выслушайте меня до конца.

Он на секунду замолк, громко хрустнул сложенными в замок пальцами.

– Помните историю Герострата, который в 356 году до нашей эры сжег храм Артемиды Эфесской, который считался одним из семи чудес света? На суде Герострат заявил, что сделал это с одной-единственной целью: чтобы его имя осталось известным в веках. Тогда афинский сенат под страхом смерти запретил произносить всем гражданам его имя. Однако джинн уже выбрался из бутылки, и удержать его в ограниченном пространстве стало просто невозможно. Имя Герострата стало нарицательным. Таким образом, он своей цели достиг. Ну а цена – какое значение имеет цена для нас, людей, живущих три тысячи лет спустя?

– И вы согласны на такую сомнительную славу?

Самойлов с досадой махнул рукой: не нужно, мол, меня перебивать. По всему чувствовалось, что сейчас он говорит искренне, от души.

– Бросьте! Слава не может быть сомнительной – она или есть, или ее нет. Чем принципиально отличается слава Герострата от славы Леонардо да Винчи? Суперубийц Гитлера, Сталина или Наполеона от Швейцера, матери Терезы или физиолога Павлова?.. Но я сейчас не о том. Да, я согласен на любую славу, более того, я желаю ее. Я ее жажду. Я ее вождедею. Я прекрасно понимаю: никто и ничто не может гарантировать того, чтобы твое имя помнили, чтобы тебя знали. Кого из политиков двадцатилетней давности вы знаете? Кого из эстрадных исполнителей мы вспоминаем после того, как они сходят со сцены?.. Только первых лиц. Я себя к таким не причисляю. А я хочу, чтобы мое имя прогремело по всей России! Хотя бы один раз, но – громко! Я этого хочу. Хочу, чтобы... Каким тиражом обычно выпускает книги издательство?

– Тысяч сорок-пятьдесят экземпляров. Ну, может, сто тысяч...

– Это значит, по меньшей мере четверть миллиона человек прочитает обо мне, о моих делах, о моей жизни! Неужто вы не признаете, что ради этого стоит рискнуть? Вот вы сдаете в издательство книгу... Неужели вы при этом думаете только о гонораре, и вам совсем безразлично, что на прилавках магазинов и на книжных «развалах» будут лежать тысячи томиков с вашей фамилией?.. Я не прав?.. В метро, в поездах и самолетах, дома на диване, всюду будут читать обо мне! И я этого хочу!

Я не знала, что и сказать. Ставить на кон свою жизнь, свою судьбу, свою репутацию, свою свободу лишь ради того, чтобы кто-то читал о твоих сомнительных подвигах...

– Ну а теперь, когда мы с вами подъезжаем, надо подвести итог нашей беседе. Итак, я бы очень не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, будто вы действуете только по моему принуждению. Я хочу, чтобы вы работали добровольно, на заранее оговоренных условиях. Другими словами, я вас нанимаю, что налагает на нас взаимные обязанности и обязательства. Неделю вы работаете со мной.

За это получаете обусловленный гонорар. После этого мы с вами расстаемся, вы будете жить на всем готовом, но в полной изоляции до тех пор, пока не закончите писать. На этот период я вам плачу по пятьдесят долларов в сутки. Когда вы ставите последнюю точку, вы получаете деньги и мы с вами расстаемся.

Как легко он оперирует суммами, которые для простых людей представляют едва ли не целые состояния!

– А вы не боитесь, что за пятьдесят долларов в сутки я обоснуюсь у вас навсегда?

– Не боюсь. Вы не представляете себе, насколько это утомительное дело – сидеть в изоляции. Мне показалось, что он сказал это с грустью. Взглянула на своего спутника. Но у того на лице уже вновь появилось надменное невозмутимое выражение.

Час искренности закончился.

8

Мы остановились перед входом в центральный офис исполина отечественного бизнеса – банка «Плутон». У дверцы нашего автомобиля мгновенно вырос крепкий парень, естественно, тоже в строгом костюме. Он почтительно распахнул ее, замер, цепко рыская глазами по сторонам.

Вячеслав Михайлович вышел из машины и, не останавливаясь, направился к широким, сияющим золотистым стеклом, дверям. Возле него уже шагали все те же телохранители, что провожали нас с дачи – оказывается, они ехали в другой машине, следом за нами.

Ко мне в машину заглянул Секретарь. Он протянул мне руку:

– Прошу вас, Виолетта Сергеевна.

Уже на улице, когда мы тоже шли к двери, Секретарь представился:

– Меня зовут Иван Николаевич. Я – личный секретарь Вячеслава Михайловича.

Мне раньше не доводилось бывать в офисах таких крупных коммерческих фирм. Поэтому я с любопытством оглядывалась. Обширное фойе, отделанное в ультрасовременном стиле. Широкая лестница ведет на второй этаж. На площадке ее виден постамент – очевидно, раньше здесь располагалось какое-то официальное учреждение и с этого места глядел на совслужащих бюст вождя мирового пролетариата.

У входа столик, за которым стоял, вытянувшись, милиционер. Чуть в стороне, ближе к лестнице ел Самойлова глазами могучий мужчина.

Вячеслав Михайлович, проходя мимо него, лишь коротко бросил:

– Ну что у нас?

– Порядок.

– Когда выезжаем?

– Семнадцать-пятнадцать.

– Хорошо.

Самойлов начал подниматься по лестнице.

Между тем мы проследовали мимо продолжавшего стоять по стойке смирно милиционера к могучему мужчине.

– Познакомьтесь! Начальник группы личной безопасности Шефа, Боксер – Виолетта Сергеевна.

Боксер ничего не ответил, только молча склонил голову. И мы проследовали мимо него по лестнице.

Обширная приемная выглядела словно иллюстрация рекламного проспекта – новехонький компьютер, принтер, факс, multifunctional телефон, а также кресла, столик, искусственные растения... И среди всего этого ультрасовременного интерьера профессионально улыбалась девица, попавшая сюда, очевидно, с очередного конкурса красоты и получающая надбавку за то, что будет носить на себе как можно меньше одежды. Лучезарно продемонстрировав Шефу свои прелестные зубки, она чуть приглушила накал приветливости при виде Ивана Николаевича и обожгла взглядом меня. Однако так и не произнесла ни слова.

Мы прошли мимо девицы в кабинет. Тут тоже все было отделано по высшему классу.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – указал мне Самойлов на кресло, стоявшее у стены. – Подождите немного, мне нужно поработать.

Он привычно включил компьютер и, пока тот загружался, быстро просмотрел лежавшие на столе бумаги.

Дверь открылась, на пороге возник Секретарь.

– Займись нашей гостьей, – распорядился Самойлов. – А я буду через десять минут.

Хозяин повернулся с креслом к стене. И в ней тут же открылась дверь. А ведь стена казалась настолько монолитной, что и мысли не могло возникнуть, будто там еще одна комната. Или не одна?

Вячеслав Михайлович поднялся и шагнул в открывшийся проем. Дверь закрылась – будто и не было ее.

– Прошу вас, Виолетта Сергеевна, пересядьте сюда, на стул.

Я молча пересела. Иван Николаевич раскрыл принесенный пакет. Достал оттуда шикарный парик – пышно взбитую копну волос платиновой блондинки. Зашел мне со спины и начал надевать его мне на голову.

– Это еще зачем? – не выдержала я.

– Нужно. Даже необходимо, – услышала более чем вразумительный ответ.

Затем на свет появилась крохотная коробочка.

– Сейчас вам будет немного неприятно, – предупредил Секретарь.

Что тут сделаешь?

– Давайте, – вздохнула я.

Оказалось, что в коробочке находились контактные линзы. Изумрудно зеленого цвета.

– Таких глаз в природе не бывает, – сочла я нужным сказать.

– Это неважно. Главное: что они будут отвлекать внимание от тех черт вашего лица, которые изменить невозможно.

Как-то я уже пыталась носить контактные линзы. Так что неожиданными неприятные ощущения, которые сопровождают эту процедуру, для меня не стали. Но и легче от этого не было. Я уже знала, что глаза будут чесаться, слезиться и для привыкания к линзам нужно какое-то время...

Затем мне пришлось вытерпеть еще одну не слишком приятную процедуру – Иван Николаевич засунул мне в ноздри небольшие вставочки. Водрузил на нос большие очки. И в довершение набросил на плечи что-то типа небольшой алой накидочки с блестками.

– Все, теперь можете полюбоваться на себя.

Секретарь распахнул дверцу стенного шкафа. В открывшемся проеме мгновенно вспыхнула лампа дневного света и осветила огромное, в рост мужчины, зеркало.

Да, он свое дело знал. Если бы я не была убеждена, что увижу саму себя, ни в коем случае не поверила бы. На лице в первую очередь бросались в глаза – простите за сомнительный каламбур – именно неестественно зеленые глаза за стеклами очков. А фигуру невозможно было узнать из-за нелепой искрящейся накидки.

– Ну что, узнаете? – раздался за спиной голос Самойлова.

Не оборачиваясь, я бросила через плечо:

– Н-да, в таком виде я могу хоть к родной дочери заявиться – не узнает.

За моей спиной возникла мужская фигура. Это был совершенно незнакомый человек. Я стремительно обернулась. И наткнулась на веселый взгляд Самойлова. Он тоже переоделся, натянул парик, наверное, подгримировался – так что его тоже узнать можно было с трудом.

– Ну что ж, поехали!

Я направилась было к двери.

– Нет, нам сейчас не сюда, – остановил меня Вячеслав Михайлович.

Он снова подошел к участку стены, которая тут же гостеприимно распахнулась ему навстречу.

– Прошу!

Иван Николаевич глядел на нас от двери, ведущей в приемную.

Часть вторая

Сзади скрипнула дверь.

– Ты что, еще не ложишься?

Я оглянулся. Жена стояла заспанная, с глазами, которые никак не желали открываться.

– Уже сплю, как видишь, – усмехнулся в ответ.

Жена мой юмор не оценила, зябко запахнула на груди халат.

– Чего это тебе приспичило ночью работать?

Но поинтересовалась сонно и дежурно, без искреннего интереса. Да и что ж в том удивительного – глубокая ночь, нормальные люди уже давно спят. Вот супруга и не может понять.

Надо сказать, что если бы это не была Леткина рукопись, если бы не чудилось мне за всей этой историей что-то непонятное и тревожное, тоже не стал бы, как то случалось по молодости, ночью корячиться. Но тут...

– Оценить надо, стоит ли браться за работу, – пояснил жене. – Может, подзаработать удастся.

– Хорошо бы, – зевнула она. – А то давно уже у тебя ничего путного не выходило. Ну ладно, если надо, сиди... – Но потом сочла нужным добавить – А на завтра нельзя оставить? Все же не мальчик уже – отдыхать нужно.

Я поднялся, привлек мягкую и податливую со сна подругу жизни к себе. Она, малышка, прильнула головой где-то в районе желудка.

– Иди отдыхай, – дотянувшись, шлепнул ее пониже спины. – Я еще поработаю. Спокойной ночи.

– Ну и ты не засиживайся...

Она еще раз зевнула и послушно зашлепала примятыми задниками тапок в спальню.

...Пока читать было не слишком интересно. Но я начал понимать, что впереди читателя ждет нечто «крутое». Если не жуткое.

Ну а кроме того, брало за живое то, что это не досужие выдумки фантазера, а живые записки человека, оказавшегося в змеином клубке.

В глубине квартиры снова скрипнула дверь – из-за этого звука жена меня пилит уже года три: мол, когда же, наконец, смажешь петли...

Я перевернул следующую страницу.

1

Мы прошли через заднюю комнату, которая оказалась, на мой взгляд, не то комнатой отдыха, не то будуаром для амурных встреч. Там была еще одна дверь, столь же неприметная и столь же непонятно по какому сигналу открывающаяся. Миновав ее, мы оказались в узеньком коридорчике. Прошли еще одну комнату, где нас встретил Боксер.

– Ребята готовы, Шеф.

– Отлично. Тогда поехали, – Самойлов обернулся ко мне. – Пока мы не вернемся, вы не должны называть меня по имени – потому что кто я такой, среди людей, с которыми мы сегодня будем работать, знают только три человека... Кстати, как вас звать-величать во время операции?

Я почувствовала, что у меня все внутри похолодело. Причем не просто тревожно, а как бы бодряще тревожно. Вся эта таинственность, переодевание, конспиративные клички – все это было волнующе, пугающе и в то же время романтично и неожиданно притягательно. Никогда не могла себе представить, что подобное может меня привлекать.

Не знала я, как назваться. А потому брякнула первое, что пришло на ум.

– Барби.

Самойлов приподнял брови. Но ничего по этому поводу не сказал. Обронил лишь:

– Что ж, Барби так Барби. Поехали!

На улицу мы вышли через заднюю, стальную, дверь. У входа стоял старенький невзрачный «рафик». Мы расселись в салоне. И здесь салон тоже оказался отделенным от кабины водителя непрозрачной перегородкой.

Назревало что-то неведомое и тревожное. И это неведомое манило, влекло, пугало... Хотелось уклониться. И в то же время я понимала, что уже коснулась краешком крылышка роковой паутины, что нет мне обратного пути. Что предначертанное непременно произойдет. И что отказаться от этого неведомого уже никак не хочется.

2

– Все, пошли!

Машины – наша и еще две, присоединившиеся по пути – остановились на некотором расстоянии друг от друга в небольшом переулочке, наехав правыми колесами на бордюр. Примерно на полпути между автомобилями за нешироким тротуаром в стене дома виднелась дверь – одновременно могучая и какая-то неброская, неприметная. Таких дверей в тихих переулках Москвы, да и не только в переулках, по нынешним временам можно обнаружить немало. Мимо них обычно проходишь, не замечая, не обращая особого внимания. И лишь изредка, случайно увидев ее открытой, можешь вдруг с удивлением обнаружить внутри дюжего охранника, нередко с оружием – и понимаешь, что за этой внешней неброскостью скрывается какая-то неведомая тебе, тайная, но напряженная жизнь...

Итак, мы остановились неподалеку от такой неприметной двери.

– Электрик! – сказал Боксер, оттопырив лацкан пиджака, куда-то во внутренний карман. – Вперед!

Было видно, как из передней машины выбрался человек. Он и выглядел соответствующе этому прозвищу – в сереньком халате, потрепанной беретке с хвостиком, с выдавшим виды чемоданчиком в руке. Он, ссутулившись, прошел по переулку и нырнул под арку внутрь двора.

– Наблюдение! Вперед!

Из той же машины появились еще двое парней. Они тут же разошлись в разные стороны переулочка. Один, миновав наш автомобиль, исчез из поля нашего зрения. Второй дошел до дальнего от нас угла, повертел, выбирая наблюдательную позицию, головой и уселся на изломанную скамеечку, стоявшую возле раскуроченной чугунной оградки, обрамляющей чахлый скверик. Сделав скучающее лицо, он сунул в рот сигарету, прикурил и замер, старательно пуская дым колечками.

Сидевшие в машине рядом со мной мужчины выглядели вполне спокойно, даже буднично. А меня чем дальше, тем больше колотила нервная дрожь. Что творится? Что готовится? Что сейчас должно произойти?..

– Я – Электрик, – донеслось из кармана Боксера. – У меня все готово.

– Отлично. Выпускайте «утку».

Только тут, едва ли не впервые с момента, как мы вышли из офиса «Плутона», подал голос Вячеслав Михайлович. Он прокомментировал мне вполголоса:

– Сейчас Электрик вскрыл трансформаторную будку и находится внутри нее в готовности отключить электричество во всем районе.

До этого я соблюдала его требование во время операции не задавать никаких вопросов. Теперь же, услышав его слова, сочла возможным так же тихо уточнить:

– А зачем?

– Это необходимо, чтобы, не поднимая тревоги, «вырубить» сигнализацию в конторе, в которую нам сейчас нужно незаконно попасть.

Вот это ловко! Не заниматься мелочами, а просто весь район отключить!

Только теперь я почувствовала, как все в машине напряглось. Сидевший ближе всех к двери Боксер потянул на себя ручку – замок щелкнул, дверца слегка приоткрылась.

События начинались.

Парни подошли к нужной двери. Один остановился, прижавшись к стене. Второй встал прямо перед дверью, вдавил кнопку звонка.

– Там телекамера, – вполголоса процедил Самойлов. – Они сейчас его видят.

– Ну и что? Они же сейчас насторожатся, расспрашивать его начнут...

– Это ж «утка» – для них свой человек.

Дальнейшие события развивались одновременно, параллельно, стремительно, слаженно, синхронно... Словами просто невозможно коротко описать все, что произошло в следующие мгновения.

В унисон со словами Вячеслава Михайловича Боксер скомандовал:

– Электрик, внимание!..

Даже здесь было слышно, как лязгнул замок в двери, на которую была направлена вся акция.

– Вырубай!

По этой команде из обеих машин к открывшейся двери устремились люди. Сопровождавший «утку» человек сначала отдернул подставного на себя, пропуская нападающих в дверной проем, а потом втолкнул и его внутрь, скользнул за ним – и все замерло. На описание происшедшего времени ушло куда больше, чем на исполнение. Причем, несмотря на темпы нападения, не было ни спешки, ни толкотни или суеты – со стороны, скорее всего, даже если кто-то случайно увидел налет, даже не сообразил бы, что стал свидетелем преступления.

– Пошли!

Боксер, за ним я, потом Самойлов и еще один парень покинули машину, тоже прошли к приоткрытой двери. И захлопнули ее изнутри.

Мы оказались в коридорчике, углом уходящем влево. Электрик не подвел – лампы здесь и в самом деле не горели, а потому ориентироваться приходилось лишь по скудному свету, который с трудом пробивался сквозь мутное стекло над бронированной дверью.

Обстановка в этом коридорчике оказалась стандартно-охранной, при самом минимуме мебели. В углу, прямо перед нами, стоял единственный стол, на котором тусклым бельмом глядел экранчик на телефонном аппарате; на этом экранчике, я знала, должно быть видно все, что происходит перед входом, где установлена телекамера. Еще можно было разглядеть два стула...

Что-то меня насторожило – какое-то шевеление в полутьме. От него, от этого непонятного движения, исходило нечто тревожащее.

Лишь когда глаза немного привыкли к тусклому освещению, я поняла, что это такое. Поняла – и похолодела.

У стены, скорчившись, в самых нелепых позах, неподвижно лежали на полу двое мужчин в темной форме. На их рукавах виднелись нашивки с надписями: «Служба охраны». Над ними-то и склонился один из приехавших с нами парней, торопливо обшаривая их карманы.

– Вы что с ними сделали? – вырвалось у меня.

– Ничего, – равнодушно обронил Боксер.

Сзади меня тронул за плечо Самойлов: молчи, мол! Я раздраженно отдернулась. Ну и вяпалась!..

Хотелось повернуться, выйти из офиса и уйти куда глаза глядят. Но я понимала, что не повернусь и не уйду. Я уже знала, твердо решила для себя, что пойду с этими людьми до

конца. Я напишу! О, я все напишу! Я сдержу свое обещание. И деньги возьму. Но если только вызовут на допрос, что, скорее всего, произойдет, я попрошу принять все написанное мной как явку с повинной... Нет, как свидетельские показания, попрошу приобщить написанное к обвинительному заключению...

...Выворачивавший у охранников карманы парень распрямился и протянул Боксеру две тоненькие зелененькие книжечки.

– Тоже офицеры, – мельком взглянув на них, прокомментировал Боксер. – Подрабатывали в фирме... Ну, пусть лежат тут.

Из внутренней двери выглянул еще один нападавший.

– Порядок, – обронил он.

За углом оказалась коротенькая, в несколько ступенечек, лесенка вверх. Там, из просторного, тоже едва освещенного сквозь витраж, фойе, вдоль стен которого стояли мягкие кресла и диваны, вело, насколько я смогла разглядеть, три двери. Одна была приоткрыта. Оттуда слышались голоса, мелькал отсвет электрического фонарика.

Мы прошли туда.

В большой комнате, куда мы попали, было немного светлее – вечернее солнце сквозь зарешеченные, закрытые жалюзи, окна освещало множество компьютеров и другой разнообразной электронной аппаратуры, столы, стулья... У стены, держа руки на затылках, стояли трое – двое мужчин и девушка. Возле них замерли двое нападавших с пистолетами в руках. На полу лежал человек – судя по всему, один из работников фирмы, в которую мы ворвались. По тому, как неестественно он лежал, как неловко была вывернута его рука, как запрокинута голова, было ясно, что он в лучшем случае оглушен.

Кошмар!

– Ну что?

По тому, насколько коротко общались между собой бандиты, по тому, насколько четко понимали друг друга, логично было сделать вывод, что совместные акции – для них дело достаточно привычное.

– Сейчас! – послышалось сквозь приоткрытую дверь из следующей комнаты, где мелькал отсвет ручного фонарика. – Сейчас разберусь...

– Давай-давай, не спеши, время есть, главное – чтобы все было сделано.

Сказав это, Боксер неторопливо приблизился к стоявшим у стены людям.

– Кто из вас работает с компьютерами? – обратился он к ним.

Те молчали. Вряд ли они думали об интересах фирмы – просто каждый надеялся, что первым голос подаст кто-нибудь другой и избавит тем самым лично его от необходимости «высываться».

– Ну?

Опять тишина. Один из парней с оружием приставил ствол пистолета к затылку ближайшего к нему мужчины.

– Все мы работаем на компьютерах, – торопливо проговорил тот. – Только света нет...

Словно в ответ на эти слова, из соседней комнаты послышался голос:

– Готово, сигнализация отключена.

Боксер опять наклонился к карману.

– Электрик!

– Здесь.

– Врубай. Но будь готов, если что...

Он не договорил, очевидно, подобный вариант оговаривался заранее и уточнять не было необходимости.

– Как юный пионер – всегда готов.

В следующее мгновение в комнате вспыхнул яркий свет. Я зажмурилась.

То, что произошло потом, я восстанавливала уже позже, частично по рассказам других.

Едва вспыхнул свет, один из стоявших у стены пленников – тот самый, к затылку которого был прижат пистолет – резко поднырнул под ствол, развернулся и врезал кулаком в челюсть своему стражу. Подхватив пистолет, который тот, падая, выронил, рванулся к выходу. Там оказался один из приехавших с нами боевиков. Он тоже щурился, ослепленный вспыхнувшим светом. Беглец в упор выстрелил ему в грудь.

Нормальная реакция для человека в подобной ситуации – выстрелив, приостановиться в ожидании, пока упадет тело. Однако мужчина не притормозил ни на миг. Очевидно, у него был какой-то боевой опыт, потому что дальнейшее он просчитал великолепно. Пуля отшвырнула бандита, а беглец легко проскользнул мимо отлетевшего к стене тела.

А через несколько мгновений из фойе послышались один за другим еще несколько выстрелов.

К двери устремились почти все, кто был в помещении. На месте остались пленники, их страж, я, Самойлов и все тот же парень, который не отходил от нас все время.

Потом выяснилось, что беглец наткнулся еще на одного бандита, который страховал входную дверь. Они увидели друг друга и успели выстрелить одновременно. Однако один стоял спокойно, а другой бежал... Беглец налетел на пулю и, захрипев, опрокинулся на спину, подогнув ноги едва ли не к пояснице. Так, в невероятной позе, он и начал сползать по мраморной крошке ступенек.

Охранявший дверь выстрелил в упавшего еще два раза. От первого выстрела тело содрогнулось. На второй – уже не отреагировало.

...Все эти подробности происшедшего, повторюсь, я узнала позднее...

Когда по глазам хлестнула вспышка подключенного электричества, я зажмурилась. Вдруг – шум, падение тела, хруст удара, топот, выстрел, вскрик, опять топот, выстрел, выстрел, выстрел...

И как завершение эпизода – спокойный, невозмутимый голос Самойлова:

– Дурак!

Я открыла глаза.

Пленники – парень и девушка – сидели на корточках у стены, закрывая головы руками. Их охранник сжимал двумя руками свой пистолет, направив на них, в явной готовности спустить курок.

А из коридора уже волокли за ноги тело пытавшегося убежать человека. За ним по белому полу тянулась размазанная кровавая полоса.

Тело убитого бросили на пол. Рядом с тем, которое уже лежало тут в тот момент, когда мы только вошли. Потом аккуратно внесли парня, в него выстрелил пытавшийся убежать. Уложили на стол. Он громко и хрипло дышал, пуская изо рта кровавые пузыри.

– Барби, ты в ранах разбираешься?

Самойлов говорил по-прежнему спокойно и буднично.

Барби? При чем тут Барби?

– Барби, – тронул меня за плечо Вячеслав Михайлович. – Осмотри рану!

А, так это же я Барби! Что за дурацкую кличку себе придумала. На моих глазах двух человек убили – а тут эта глупая американская кукла!

– Да что тут осматривать! – сама поразилась, насколько спокойно в тот момент звучал мой голос. – И так видно, что он уже не жилец.

В дверях показался застреливший беглеца бандит. Он бережно придерживал левую руку. На плече, под самой ключицей, кожа куртки была пробита, сочилась темно-бордовой кровью.

– Попал, гад, – он виновато глядел на Боксера. – Навскидку...

– ...твою мать! – рявкнул тот.

– Значит, так, – Самойлов, похоже, решил, что в изменившейся ситуации пора брать руководство на себя. – Ты, Боксер, вместе с Хакером, Электриком... Короче, вы остаетесь здесь... Хотя нет, – было видно, что Самойлов колеблется.

Причину колебания я поняла много позже. В банде, с которой мы прибыли, он лично не был знаком ни с одним человеком. Он попросту не знал, на кого в какой мере в подобной ситуации можно положиться, кому какое задание можно дать. Для выполнения задуманного ему необходимо было взять с собой надежного человека. Он же мог положиться только на Боксера. Однако Боксер был ему теперь необходим одновременно в двух местах – здесь и в машине. И где было более важно, Шеф решить не мог.

Выход подсказал Хакер.

– Послушайте, пока вы будете думать, все полетит к черту. Я остаюсь здесь старшим – потому что тут осталась моя главная работа, – он посмотрел прямо в глаза Самойлову. По этому холодному взгляду было ясно, что он уже все понял. – Вы везете раненых в больницу, раз уж ручаетесь, что сможете их устроить. Своих и в самом деле нельзя бросать – тогда они не будут вам доверять. Я остаюсь здесь и доделываю все, что нужно. Мне лично необходима только охрана.

Вячеслав Михайлович думал только мгновение. Выход и в самом деле казался оптимальным.

– Хорошо, – сказал он. – Оговори все детали, – кивнул он Боксеру, – и догоняй нас. Барби – со мной! Раненых – в машину! Вперед!

...От двери я оглянулась. Пленники по-прежнему сидели на корточках у стены. Возле них стоял охранник. Хакер уже расположился перед монитором включенного компьютера, глядел на экран, одновременно разговаривая с Боксером. Один из боевиков уселся перед сейфом, проворачивал диски. Еще один с пластинкой металлоискателя в руке медленно шел вдоль стены...

Все было спокойно и буднично. Будто эти люди делали привычную для себя работу.

А на полу лежали два трупа. По сияющему чистотой белому полу растекалась алая, еще живая, кровь.

3

Надо сказать, что Москву я немного знаю. Но тут скоро запуталась, куда мы приехали. Представляю, конечно, но только очень приблизительно.

Вдруг наша машина вынырнула из лабиринта каких-то переулочков, и мы оказались на огромном пустыре, обильно заваленном кучами мусора. Наезженная дорога показывала, что мусоровозы уже давно проторили сюда накатанный путь. Или это свалка незаконная?

Впрочем, какая разница?

Мы тряслись в «рафике» на рытвинах. То тут, то там вокруг машины мелькали огромные собаки. Они мрачно глядели на проезжающий автомобиль. Но не лаяли и за нами не бросались – очевидно, по внешнему виду определили, что у нас им нечем поживиться.

По центру салона на полу лежал умирающий боевик. То, что ему уже не выжить, было очевидно. От каждого толчка его тело дергалось, лицо искажалось гримасами. Хотя человек был без сознания, тело еще реагировало на боль.

– Куда мы едем?

Раненый парень оглядывался тревожно. Он был бледен, по-прежнему нянчил руку, жалобно постанывая. Кожаную куртку у него сняли с пробитого пулей плеча, рукав рубашки оборвали. Он мне почему-то напомнил Николая Ростова из «Войны и мира», когда тот бежал, контуженный, по полю, а с его плеча свисал гусарский ментик...

На мускулистом теле набухал кровью щедро намотанный белоснежный бинт.

– Не переживай, Серега, – пытался успокоить его Боксер, сидевший впереди. Но успокаивал не оборачиваясь. И это заметно нервировало парня. Да и меня тоже. Заговорил Самойлов.

– Ты же сам видишь – Славка не жилец. Но бросать же его просто так тут нельзя – ты с этим согласен?

Серега невольно обернулся к окну. Наткнулся на угрюмый взгляд волкоподобной собаки, безбоязненно стоявшей на куче отбросов.

– Конечно нельзя, – согласился он.

– Ну вот мы его и везем в морг!

Раненый открыл рот. Изумленно спросил то, что хотела спросить и я:

– В морг?

Шеф ответил спокойно и уверенно:

– Конечно. А ты что думал?

По тому, как захлопал глазами парень, было очевидно, что ответ его ошарашил.

– Как он? – Вячеслав Михайлович заботливо посмотрел на лежавшего на полу. – Жив еще?

Я невольно опустила глаза. Серое лицо, вытянувшееся тело, закрытые глаза, черная кровь на губах... Никаких признаков жизни. Во всяком случае, внешних.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.